

A dramatic painting depicting a battle scene. Several warriors on horseback are engaged in combat. One warrior in the upper left is on a dark horse, holding a spear. Another warrior in the center is on a light-colored horse, also with a spear. A third warrior on the right is on a dark horse, holding a sword. The background is a swirling, misty sky with soft light. The overall style is expressive and dynamic.

**ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА**

**В ТУМАНЕ
ВРЕМЕНИ**

Елена Арсеньевна Арсеньева

В тумане времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23588915
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Кто создал жизнь на Земле? Боги, которым чуждо все человеческое? Сторонние наблюдатели за неким глобальным экспериментом, в который они не намерены вмешиваться? Является ли Земля для них всего лишь полигоном для опытов? А может, они обуреваемы точно такими же страстями, как и их создания? А что если обычный человек оказывается в центре «разборки» творцов-соперников!

Григорий Охотников, частный детектив, живущий во второй половине XXI века, против воли вовлечен в судьбоносный спор двух созидателей. Сначала он остается лишь ничего не понимающей игрушкой их фантазии, швыряемой во времени и пространстве по чужой прихоти, однако постепенно начинает понимать, что люди, живущие на Земле, точно так же ответственны за судьбу планеты, как ее творцы. А может, и еще больше...

Содержание

Часть первая. Жертва богу меча	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Арсеньева

В тумане времени

*Солнце свирепое, солнце горящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!*

Н. Гумилев

Часть первая. Жертва богу меча

Пахло дымом и кровью...

Пахло дымом и кровью, и это было первое, что он ощутил, еще не открывая глаз. И сразу заломило грубо вывернутые, связанные руки. Саднило горло, будто он долго кричал или звал кого-то. Горели сожженные солнцем лицо и плечи. Родившись из блаженной тьмы небытия, он рухнул в омут боли, судорожно глотая воздух иссохшими губами, все еще жмуря глаза в надежде, что это лишь морок...

Жалобный, крик рядом! Истошный вой!

Окатило таким ужасом, что он поспешно распахнул глаза – и увидел наконец-то окружающий мир, и взмолился богам о слепоте, чтобы не видеть больше ничего, ничего!

Гигантская куча хворосту была навалена неподалеку – такая рукотворная гора. Чудилось, люди задумали сравняться по силе с твореньями богов, да утомились, но все же груда поднялась много выше человеческого роста. А на самой ее вершине был водружен огромный меч.

Меч назывался акинак, он откуда-то знал это. Ветер клонил к земле черные струи дымов, струившихся от разложенных неподалеку костров, и меч возвышался над ними, так сверкая на солнце, что слепил глаза всякому, кто только осмеливался посмотреть на него, – словно свирепый взор

божества, не терпевшего даже самого робкого человеческого взгляда.

На кострах клокотали огромные, закопченные до черноты котлы. Вокруг царила людская суматоха; далеко разносилось ржание коней, рев волов. Их подгоняли, подтаскивали к кострам, и тут же люди, залитые с ног до головы свежей, еще курящейся кровью, валили их наземь, проворно перерезали глотки, точными ударами разрубали туши, отделяли мясо от костей и опускали в тяжело булькающие котлы, а сырые кости бросали в огонь вместо дров – от них-то и валил тот зловонный, жирный дым, выедающий глаза и выворачивающий нутро.

Он мучительно закашлялся, задыхаясь; извернулся, чтобы хоть плечом смахнуть жгучие слезы, и, полуослепленный, только теперь увидел и осознал, что стоит в толпе полуголых, а то и вовсе обнаженных, крепко связанных мужчин со следами ран и побоев на грязных телах. И в эти беспомощные тела были направлены копыта стражников, во множестве стоящих вокруг и одетых тяжелыми кольчужными сетками.

«В плену! – ожгла догадка. – Я пленный! Но кто я такой?!»

Он опустил глаза. Увидел свое загорелое мускулистое тело, чуть прикрытое по чреслам обрывком серой шкуры, покрытые пылью ноги в мягких сыромятных сапогах до колен, перетянутых ремешками.

«А лицо? – мелькнула мысль. – Какое у меня лицо?!»

Он не знал, не помнил. Мотнул головой, отбрасывая длин-

ные русые волосы...

Кольцо стражи меж тем разомкнулось, пропустив пятерых богатырей в шлемах, увенчанных пышными султанами из конских хвостов, окрашенных красным. Наплечники и наколенники блистали золотом и серебром.

Кольчуги были сплетены из мельчайших колец с особым тщанием. Лица наполовину скрывались под защитными пластинами, и солнце высекало из них то же беспощадное сверканье, что исходило от меча на вершине рукотворной горы. Но у каждого из вновь пришедших был и свой акинак – длинный, тяжелый, обоюдоострый, – и все они вдруг взметнулись враз и обрушились на пленных!

Люди взревели, словно буйволы, почуявшие смерть, заматались, забились, толкаясь, и каждый пытался за спиной соседа найти спасенье от неминуемой гибели, но длинные копья стражей своими острыми наконечниками сдавили их со всех сторон, сбили в кучу, заставили стоять недвижимо. И недвижимо глядеть, как то одного, то другого выхватывают из толпы, окропляют его голову вином из кубков, а потом мгновенным, неувимым движением меча закалывают. Движения были точны – так, чтобы кровь стекала в роскошные бронзовые сосуды. И пока одни воины обезглавливали труп и насаживали его голову на кол – такими кольями была огорожена вся площадка для жертвоприношений, – другие возносили сосуды с кровью на самый верх горы из хвороста и окропляли акинак, воздвигнутый там. Вволю поили жестокого Бога

бойни!

А потом они отрубали у мертвых правые руки и швыряли к основанию горы, словно к изножию гигантского жертвенника. Больше никогда, никогда, даже в царстве мертвых, не поднимут эти люди меча против победителей!..

Пахло дымом и кровью.

Он очнулся от оцепенелого созерцания, когда могучая рука вцепилась в его волосы и выволокла из обезумевшей толпы пленных. Близко, у самых глаз, он увидел тяжелый пояс с пластинами, которыми крепился меч, – теперь они были пусты. Увидел множество бляшек-амулетов, серебряную застежку из двух крючков: один изображал человека, другой – какого-то зверя, а вместе они казались сцепившимися в страшной схватке. Обостренный близостью смерти взор видел все это необычайно четко и ясно!

Дрожащие ноги заскользили в луже крови, разъехались, и он упал, вырвавшись из рук своего палача. И тут... стоило лишь коснуться земли – сырой, обильно политой кровью, – как он внезапно обрел ясность мысли и новую, возбуждающую силу мышц. И сообразил, где оказался в плену.

Это – скифы. А он? Он сам – кто?!

Скиф склонился, занося меч, но пленник, подтянув ноги, резко распрямился и сильным толчком отшвырнул врага. Тот рухнул наземь.

Взлетели рядом сразу два меча и... вонзились в землю, потому что пленник, перевернувшись через голову, откатился в сторону. Здесь его тоже готовилось встретить безжалостное лезвие, но он увернулся, зацепив ногой врага под колено и повалив его рядом с собой. С воина скатился шлем, и пленник, крутнувшись, обрушил пятку на его затылок. И ухитрился вскочить прежде, чем поднялись и вновь упали мечи других воинов: охотились за ним пока лениво, без особой ярости, почти насмешливо, — и отпрыгнул, уклонившись от копья, спевшего над ухом свою грозную песнь.

К нему кинулся еще один воин, на ходу выхватывая меч, и пленник, оскалась, ринулся вперед, как будто возжаждал гибели, но совсем рядом с врагом подпрыгнул, извернулся — лезвие взвизгнуло как раз за его спиной. Он даже взвыл от острой боли, потому что задело кожу на лопатках, но расчет оказался верным: стражник сам рассек пленнику ременные путы и освободил его руки!

Однако они еще висели плетями, еще не подчинялись, так крепко застоялась кровь. Приходилось обороняться ногами. С хрипом взвившись в воздух, пленник угодил пяткой прямо в нос бросившегося к нему стражника. Лицо того, не защищенное пластиною шлема, тотчас залилось кровью. Утробно хлопнув, стражник свалился наземь, и пленник, успевший перехватить его копье еще слабыми руками, бросился прямо на воинов, устремившихся к нему.

Уперев конец копья в землю, он вознесся над врагами и

опустился за их спинами! Но копье вонзилось слишком глубоко, вырвалось из рук, и он опять оказался безоружен.

Метнувшись туда-сюда, чтобы сбить нацеливших в него копья стражников, он пал плашмя, перекатился, а потом вдруг вскочил и, перекидываясь с ног на обретшие силу руки, прокатился мимо врагов, и впустую пролетело копье, и злобно сверкнул не нашедший добычи меч, и вгорячах пущенная стрела вонзилась в плечо какого-то стражника...

Пленный резко крутнулся, неистово выбросив вперед ногу, и, ударив в горло слишком близко оказавшегося воина, подхватил акинак, выпавший из его руки.

Глаза скифа были полны ужаса и изумления: прыжки и броски были ему в новинку, словно он это впервые видел. «Тогда откуда я это знаю? Почему умею? – спросил себя пленный. – Кто меня научил?»

Впрочем, это было неважно. Главное, другое: теперь он был вооружен! И, ухватив тяжелый меч за рукоять в виде головы грифа с золотым гребнем, он испустил грозное и торжествующее рычание, словно зверь, измученный, но не побежденный, готовый к новой схватке с другим зверем, – пусть могучим, пусть сильным, но не убившим, не победившим его!

Меч напряженно сторожил каждое движение сгрудившихся напротив врагов, а незащищенную спину, чудилось, леденил ветер опасности.

И не зря! Раздалась четкая команда, и несколько лучников

встали по сторонам. На земле, плотно прикрывая их снизу и давая опору руке, были нагромождены сомкнутые щиты – саки, а над ними выгнулись луки, натянулись тетивы, наострили свои бронзовые жала готовые к полету стрелы.

Значит, всё кончено?...

Внезапно, раздвинув строй лучников, вперед вышел высокий чернобородый скиф. Пленнику почудилось что-то знакомое в его облике. В глаза бросилась серебряная пряжка пояса: сцепившиеся человек и зверь, – и пленник узнал того, кто первым хотел убить его.

Воин оперся на меч и стоял недвижимо, не то готовясь вызвать его на бой, не то – на разговор.

Сверкали золотые фигурки, украшавшие кожаные наплечники и наколенники. Виден был блеск зубов из-под пластины шлема – воин усмехался, глядя на пленника, изготовавшегося дорого продать свою жизнь.

– Эй ты, гелон!¹ – наконец звучно крикнул воин, и пленник не сразу догадался, что это слово имеет отношение к нему.

– Ты храбро дрался! Я рад видеть среди рабов такого, как ты. Удивляюсь только, почему ты оказался с этими ничтожествами. – Он кивнул на толпу пленных: – Дикари! А ведь гелоны сроду не воевали против скифов. Против братьев! Я

¹ Гелоны – племя, которое, согласно Геродоту, происходило от греческих колонистов, изгнанных из приморских поселений, осевших севернее скифских земель и говоривших на смеси скифского и греческого языка.

готов был увидеть здесь песиглавца или одноглазого аримаспу², даже деву-воительницу, только не гелона. Но сразу видно, что ты хорошего рода! Твое боевое искусство хитро и неожиданно. Ты удивил меня, гелон! А теперь скажи – чего ты хочешь? Да стой смирно, иначе от стрел, вонзившихся в твое тело, сделаешься подобен ежу!

Пленник замер от неожиданности.

Чего он хочет?...

Жить! Жить, чтобы вспомнить, кто он и откуда, чтобы вспомнить свою землю, свой род, свое прошлое! Не сгинуть подобно бессловесной скотине, вспомнить свое имя!

– Я хочу жизни! – выкрикнул он. – И... жизни для этих людей!

Почему он решил спасти тех, кто уже смирился с неизбежностью смерти? И подумал бы он об этих людях, если бы они несколько мгновений назад не жались к нему, ловя последний глоток воздуха, ожидая общей гибели?

Скиф расхохотался:

– Ты слишком многого хочешь, гелон! Это ведь жертвы богу меча! После вчерашнего сражения мы выбрали каждого сотого пленника, чтобы его кровью вволю напоить того, кого эллины называют Аресом, а мы, скифы-воины, Акинаком. И ты хочешь лишить бога того, что принадлежит ему по праву?

² Аримаспы – мифический народ на крайнем северо-востоке древнего мира. Эти одноглазые люди постоянно сражались с грифонами, чтобы отнять у них золото, которое они охраняют.

Не боишься его гнева, гелон?

– Бог далеко, – еле слышно произнес упрямец, с трудом разжимая искаженные судорогой губы. – Бог далеко, а смерть близко.

– Ну что же, гелон. Будь по-твоему! Но... не взыщи, коли алчущий бог все же покарает тебя.

Скиф с величавым жестом обратился к страже:

– Слушайте меня! Я, царский воин Хорэй, объявляю свободными этих рабов. Всех!

После некоторого замешательства зазвенели мечи, вложенные в ножны, стрелы, спрятанные в колчаны. Словно бы медный ветер прошумел над полем! Опустились головы копий. Но пленные все еще стояли на месте, тесно прижавшись друг к другу, не веря в спасение.

Хорэй вновь махнул рукой, и два молодых босоногих скифа в простых сыромятных одеждах поднесли к нему бронзовый котел, а затем опорожнили туда несколько бурдюков с вином. Третий же с низким поклоном подал воину охапку стрел, обернутых овчиной.

– Да брось ты свой меч, гелон! – сказал Хорэй миролюбиво. – Опасность позади. Ты видишь, я даже приглашаю тебя и твоих сотоварищей выпить в честь вашего освобождения. Ну а чтобы отвести гнев Акинака, мы принесем ему жертвы иначе... возлиянием вина!

Улыбаясь, он захватил пук стрел и наконечники в котел с вином.

Тихий вскрик раздался неподалеку, и гелон краем глаза заметил, что какой-то молодой воин вдруг резко побледнел, прижал к губам подвеску с изображением змееногой богини, а потом бочком выбрался из группы стражников и бросился прочь.

Этого никто не заметил. Стражники стояли молча, лица их хранили хмурое, настороженное выражение, и они не сразу повиновались приказу Хорэя наполнять вином чаши и рога и подносить их обессиленным пленникам.

Те еще не пришли в себя от внезапности спасения и пили так же молча и покорно, как только что принимали смерть.

Хорэй снял с пояса золоченый ритон³, украшенный изображением гиппокамфа⁴, велел служителю наполнить его, а потом сам, аккуратно, стараясь не расплескать ни капли, подал рог гелону, который так и не выпустил из рук меча.

– Все еще боишься? – вкрадчиво спросил Хорэй. – А, гелон? Трусишь, да? Ну ничего, пройдет. Ты пока выпей. Это хорошее вино. Крепкое! Знаешь, элины считают нас, скифов, варварами за то, что мы не разбавляем вино водой. Э-э! Вода портит вино, как любовь к женщине портит сердце воина... Пей, гелон! Это вино не разбавленное, и я сделал его еще крепче, омочив в нем свои боевые стрелы. Оно даст тебе радость. Оно закружит тебе голову. Пей же!

³ Ритон – рог для питья.

⁴ Гиппокамф – мифическое морское чудовище, наполовину конь, наполовину рыба или дельфин.

Гелон настороженно принял сосуд и слегка пригубил, но тут рука скифа резко наклонила ритон, сильно прижала его к губам, так что пленник едва не захлебнулся – и был вынужден сделать несколько судорожных глотков.

Кроваво-красное вино было великолепным... Медово-сладкое, но с привкусом терпкой горечи, остающейся во рту, оно ударило в голову, зажгло кровь!

Гелон огляделся. Да, напиток живо завладел пленными! Они хохотали, обнимались и пели, а некоторые, ослабев от счастья и выпивки, уже валялись без сил на землю.

– Хорошее вино, а, гелон? – Голос воина донесся словно бы издалека. – То-то! Едва ли тебе доведется еще когда-нибудь отведать такого вина!

Странная слабость охватила пленника. Пальцы разжались, меч выпал. Ноги подгибались.

– А теперь скажи мне свое имя, слышишь? О, да ты совсем пьян, бедняга! Как твоё имя?

– Имя? Мое имя?...

Он не знал, что ответить, и умолк в тягостной растерянности. Чудилось, брел сквозь разноцветный туман хмеля, но тот все сгущался и сгущался.

Гелон рванулся сквозь этот туман, и вдруг из дальних далей памяти что-то сверкнуло... какие-то желтые огоньки, напоминавшие звериные глаза. Это светилось слово, он не понимал его значения, однако без раздумий выпалил:

– Ягуар! Мое имя – Ягуар!

От этого звука пьяный морок тотчас схлынул, и пленник снова увидел лицо скифа, который смотрел пристально, уже не улыбаясь:

– Ягуар?... Диковинное имя. Что оно значит? Никогда не встречал я гелона, которого бы так звали. Ну что же, пусть. Пусть так... Передай же поклон Салмокису⁵, о Ягуар! Ты скоро встретишься с ним! Передай поклон Салмокису!

Лютой ненавистью сверкнули его глаза из-под защитной пластины шлема, и Ягуар вновь ощутил всем телом, всем существом своим ледяное дыхание опасности.

Он огляделся. Пленные валялись вокруг котла с вином, но оцепенение, сковавшее их, не напоминало оцепенение пьяного сна или похмельной усталости...

Стражники подходили к ним, хватали за ноги и грубо волокли к подножию жертвенника ненасытному богу меча.

Служители подняли котел с остатками вина и взвалили его на костер. Туда же, в огонь, швыряли рога и чаши, из которых пили пленные.

Не веря ужасной догадке, Ягуар повернулся к Хорэю. Воин только что метким броском отправил в костер свой золоченый ритон и теперь смотрел на противника с несказанным недоумением.

– А ты очень крепкий парень, Ягуар, – пробормотал он. – Как еще держишься на ногах?...

– Ты убил их? – теряя голос, крикнул Ягуар. – Ты убил

⁵ Салмокис – бог смерти у некоторых народов Древнего Причерноморья.

их?!

– Я отвел от них гнев бога! – веско заявил Хорэй, и пальцы его сжались на рукояти меча. – А теперь отведу и от тебя!

– Остановись, Хорэй! – вдруг мощно зазвучал невдалеке чей-то голос. – Брось меч!

Все невольно склонились под властной тяжестью этого голоса, и только Хорэй стоял прямо.

– Нет, это тебя покарает Акинак, слышишь, Дандамис! – злобно выкрикнул он. – Он алчет крови гелона!

– Акинак насытился. Разве ты не видишь, что он отверг эту жертву, отверг пленника? Гелон выпил твоего яду, но остался жив, тогда как остальные мертвы...

– А я хочу исправить ошибку! – прорычал Хорэй.

– Ты имеешь в виду – ошибку бога? Ты хочешь превзойти волю бога? – медленно, отдельно произнес голос, и Ягуар увидел наконец, кому он принадлежит.

К ним приближался человек в белом одеянии. Полы его длинного плаща волочились по кровавым лужам, и казалось, что плащ подбит красной тканью.

Что-то шевельнулось в памяти Ягуара, какие-то слова... Нет, не вспомнить, не поймать мысль!

Был этот человек очень высокого роста, с бритой головой, загорелым, словно у воина или землепашца, лицом и напряженным ртом. Из-под низких бровей сурово смотрели темно-серые глаза. На его шее висели тяжелые ожерелья из костей и зубов птиц и мелких зверьков – обереги и амулеты,

и множество крошечных, мелодично распевающих бубенчиков, звон которых, как догадался Ягуар, должен отпугивать злых духов. Длинными, сильными пальцами он потирал маленький желтый шарик.

В облике этого человека была не только властность ума, не только ощущалась сила могучего воина, но и еще что-то: нечто, непонятное – и ужасающее, подавляющее именно этой непостижимостью.

Следом за хозяином шел белый конь, белая попона которого тоже была увешана колокольцами. Станный, потусторонний звон плыл над полем жертвоприношений...

Коня осторожно, даже почтительно вел в поводу молодой воин, и Ягуар признал в нем того юношу, который убежал прочь, увидев, как Хорэй оmyвает в вине свои отравленные – теперь это ясно! – смазанные быстродействующим ядом стрелы. Так вот, значит, куда он устремился, этот юноша...

И только сейчас Ягуар ощутил озноб запоздалого страха и восторг: «А я жив! Я опять жив!»

– Убирайся к своим бесполом энареям⁶, Дандамис! – прокричал Хорэй, содрогаясь от ненависти. – Тебе, авхату⁷, нечего делать на поле брани, среди настоящих мужчин и воинов!

– Может быть, ты дашь меч и мне, о храбрый Хорэй, чтобы я в поединке мог доказать, кто из нас мужчина и воин? –

⁶ Энареи – так назывались у скифов прорицатели, гадатели.

⁷ Авхаты – клан жрецов у скифов.

учтиво проговорил верховный жрец Дандамис, слегка приподняв тяжелые брови. – Ну, хотя бы так, как это было месяц назад, когда ты привел своих перепившихся соратников на разграбление святилища змееногой крылатой Апи⁸ в Ардавде?

– Победа далась тебе лишь потому, что энареи носят крупные адамасы! Известно, что в битве побеждает та сторона, которая владеет более тяжеловесным адамасом! – запальчиво выкрикнул Хорэй.

– Конечно, адамас влияет на судьбу и счастье человека, но не он же, в конце концов, был вынужден тогда сражаться с тобою на мечях? – развел руками Дандамис.

Еле слышный смешок вспорхнул над полем. Хорэй ударил в землю ногой, и Ягуар понял, что за этими намеками скрывается нечто весьма оскорбительное для коварного скифа.

– Тогда я даровал тебе пощаду, – продолжал жрец, – вовсе не для того, чтобы ты сегодня указывал мне, что делать, а чего не делать.

Теперь Хорэй стоял понурясь так же, как и остальные, бросив, наконец, меч.

– Но я здесь не для того, чтобы пререкаться с тобою, Хорэй, – продолжал Дандамиса. – Я здесь по велению царя.

Мечи и копья взлетели в салюте, десятки глоток исторгли хриплое приветствие владыке и его посланцу.

⁸ Апи – скифская богиня земли, супруга громовержца Папая. Вместе они прародители людей и создатели всего земного мира.

– И царь наш, – продолжал Дандамис, – немедленно требует к себе этого бессмертного... гелона.

Запинка была почти незаметной, однако ягуар почувствовал ее.

Повинуясь жесту Дандамиса, Ягуар приблизился.

Жрец некоторое время смотрел в его глаза, а потом быстрым, легким движением коснулся лба, правого плеча и груди слева – там, где сердце.

– Теперь успокойся, пленник, – сказал Дандамис негромко, и тот ощутил, что сердце его и впрямь утишает свой расстроенный бег. – Твое имя Ягуар? Суровое слово... В храме Диониса на острове Делос я видел фрески с изображением этого удивительного зверя из дальних стран. Тихий, но стремительный. И беспощадный к врагам! Я буду молить богов за тебя, Ягуар. А теперь идем. Не станем заставлять царя ждать. А вы, – обратился он к служителям и страже, – сожгите трупы. Не надо оставлять злой поживы воронью!

Дандамис взял Ягуара за локоть, повлек за собой, и тот с изумлением ощутил силу и твердость руки, которая только что показалась ему такой мягкой.

Они прошли несколько шагов, когда жрец вдруг бросил, не оборачиваясь:

– Опусти лук, Хорэй. Да, это молодой Иалмен поведал царю о том, что ты сделал. И если с этим воином что-то вдруг случится, ответишь только ты!

Ягуар оглянулся. Хорэй стоял с натянутым луком в руках,

и стрела нацелена была в спину тому самому юноше, который держал под уздцы белого коня...

Хорэй отшвырнул лук и, злобно плюнув, пошел прочь. Дандамис слегка улыбнулся побледневшему молодому воину и легко вскочил на своего скакуна.

– Постой, – озадаченно проговорил Ягуар. – Но ведь этот юноша исчез, как только Хорэй омочил стрелы в вине. Он не мог видеть того, что за этим последовало! Откуда же царь узнал, что я остался жив?

Дандамис пристально взглянул на него, и во взоре его мелькнуло одобрение.

– О, да ты весьма приметлив! Думаю, глаз твой не менее остер, чем глаз настоящего ягуара! Разумеется, Иалмен, хоть он и быстрый наездник, не успел бы за столь ничтожное время отмерить добрых сорок стадий до царского шатра и обратно. Он встретил меня в пути и все рассказал. Надеюсь, боги простят мне ту ложь, с помощью которой я отнял добычу у неистового Хорэя.

– Благодарю тебя! – горячо произнес пленник.

Дандамис чуть пожал плечами:

– Но за что? Все равно ведь царь пожелает видеть тебя и говорить с тобою!

– Откуда ты это знаешь?!

Дандамис чуть улыбался.

– Знаю! Но об этом мы еще поговорим с тобою – позже. А пока – возьми вот это, – он протянул Ягуару свой желтый

шарик. – Ты ослаб, утомился. Электрон⁹ потирая, силы свои укрепишь.

По его знаку Ягуару подвели вороного жеребца, и тогда Дандамис пустил своего белого вскачь с такой быстротой, что сразу опередил и Ягуара, и Иалмена.

Ягуар осмотрелся. С Иалменом он бы справился, конечно, а что делать с легковооруженными конниками, не меньше двух десятков которых сопровождало их? Да и куда ехать, даже если и вырвешься на свободу? Незнакомая степь кругом – и всё как на ладони...

Ягуар оглянулся в последний раз и увидел, что по знаку Хорэя стражники начали подбирать тела отравленных и громождать их на повозки, запряженные волами, которые мычат и заводят в страхе глаза.

«Он послушался жреца. Почему? – подумал Ягуар, и вдруг какая-то мысль словно бы просвистела в мозгу: – Скрыть следы преступления... следы преступления...»

Но эти странные слова не растревожив темных глубин памяти. Итак, он по-прежнему ничего не знал о себе.

Но все-таки он жив. Кто хранил его от яда? Боги? Судьба? Он жив, это главное.

Ягуар глубоко вздохнул, закидывая голову.

Ветер утих, костры догорали. Уже не черные, а стройные серо-белые дымы тянулись к небу, словно мраморные колонны, подпиравшие его необъятный, прозрачно-синий свод.

⁹ Электрон – янтарь (греч.).

Что ж, вперед! И, стиснув коленями бока своего коня, Ягуар пустил его мерной иноходью, надеясь по пути хоть как-то собраться с мыслями.

* * *

– Хорэй очень богат. Царь Зирин благоволит к нему, ибо никто не приносит в казну таких щедрых даров, как Хорэй.

Иалмен скакал стремя в стремя с Ягуаром и говорил, говорил... Он держал себя так, словно Ягуар не пленник, чудом избавленный от смерти, а его давний друг, нуждающийся в защите и заботе. Это озадачивало Ягуара – ведь Иалмен казался ему сущим юнцом, несмотря на свое богатое вооружение и звание воина. Себя же он ощущал бесконечно усталым и старым.

«Хотя, – подумал Ягуар, – я же до сих пор не видел своего лица. Может быть, я такой же мальчишка, как Иалмен?»

И печально усмехнулся: у молодых не болит душа, их не гнетет тоска по чему-то давнему, забытому... или неведомому?

Иалмен продолжал свой рассказ, и, чтобы не обижать доброго человека, Ягуар продолжал молча слушать, кивать, соглашаясь, – и запоминать, и размышлять.

– Наш богоданный властитель – пусть продлит державная

покровительница скифов Табити¹⁰ его светлые дни! – больше всего на свете любит золото. В народе, в войсках его кличут только Зирин – золото, а вовсе не Фиарсод, как нарекли при рождении. Наш царь – достойный потомок Колокся, ведь золото такое же сверкающее и желтое, как солнце...

– И что же Хорэй? – покачиваясь в седле, лениво спросил Ягуар – и сам поразился, как сдавило у него горло при звуке этого имени: не произнес его, а то ли прохрипел, то ли прорычал: «Х-хорр-эй!...»

Иалмен успокаивающе коснулся его руки:

– Ненависть – плохой советчик. Знай, что Хорэй – один из тех великих воинов, царских скифов, которые держат в своих руках всю торговлю с Боспором.

В обмен на зерно и скот они получают драгоценности, золото и серебро, дивные изделия элиннских ювелиров и торговцев, оружейников. И от всего этого – щедрые дары Зири-ну. Ведь даже воинская добыча не всегда бывает богатой – раз на раз не приходится, – а торговцы всегда в выигрыше!

– Ты не по годам рассудителен, Иалмен! – рассмеялся Ягуар, оглаживая своего вороного конька, который забавно поводил головой, словно соглашался с юношей.

– Я просто хочу подготовить тебя ко всяким неожиданностям. Знаешь, когда я понял, что Хорэй задумал отравить тебя и других пленников – я ведь сразу заметил, что бронзовые наконечники стрел слишком темные, а это означает,

¹⁰ Табити – скифская богиня домашнего очага, огня.

что они смазаны ядом, — так вот, тогда меня погнало за помощью сердце, а не рассудок. Никогда и ни за что не поссорится царь с Хорэем дольше чем на час! Тем более, из-за какого-то пленника! И я готов был уже в растерянности повернуть обратно, когда вдруг увидел летящего по степи во весь опор Херфинуса.

— Кто это? — перебил Ягуар, который все еще путался в непривычных именах.

Иалмен с опаской глянул вперед, где вдали виднелся белый всадник на белом скакуне.

— Так зовут коня жреца Дандамиса.

Ягуар кивнул: мол, все понятно, — однако страх из глаз Иалмена не исчез.

— А что, у гелонов путь в царство мертвых пролегает по другой реке? — наконец спросил он, быстро поднеся к губам оберег с изображением змееногой Апи.

В царство мертвых? Через реку?

Ягуар так растерялся, что даже мог ничего соврать.

Уставился на шарик электрона, подаренный Дандамисом, словно ждал подсказки. Но тот, понятное дело, молчал.

— Ну да, ты не гелон, — кивнул Иалмен. — Ясно! И здесь он оказался прав.

— Кто?! — уже с раздражением на все эти загадки воскликнул Ягуар.

— Да кто ж иной, как не Дандамис! — обреченно воскликнул молодой воин. — Это он не побоялся назвать своего коня

именем мертвой реки¹¹! И то сказать, его конь вполне может быть посланцем загробного мира. Ты же видел – он белый, как перья, которые сыплются с небес в стране блаженных гипербореев, а глаза его светятся во тьме, будто расплавленное серебро... А уж быстроходен! А свиреп! А умен! Он послушен только Дандамису, и даже Хорэй не осмеливается подступить к этому коню великого мага.

Ягуар вздрогнул. Он сам не знал, почему это непонятное слово внушило ему разом трепет – и ненависть.

– Дандамис – великий маг и волшебник!

Круглое юное лицо Иалмена разгорелось румянцем.

– Разве простой человек мог бы, едва встретившись со мною в поле, тотчас рассказать не только о том, что заставило меня пуститься за подмогой, но и описать, что произошло во время моего отсутствия... Ну как, как это можно изведать?! – воскликнул юноша чуть ли не в отчаянии. – Ни за что не поверю, что жалкий камушек, какой-то псиф-сардион¹² мог рассказать ему, что ты не гелон, а пришелец из дальних стран, лежащих севернее Рифейских гор, почти у самых Венедских морей, никому не доступных, кроме птиц. Тут нужно владеть тайнами жизни и смерти, прошлого и будущего! Может быть, и более страшными тайнами... А еще

¹¹ Херфинус – «господина река» – водная система в верховьях Аракса (Волги), по которой, как считали скифы, пролегал путь в потусторонний мир.

¹² Псиф – сердолик (сардион) в форме яичка, который употреблялся при гадании на камнях – псифомантии.

он посулил, что царь непременно захочет видеть тебя – и заставит его Хорэй!

– Да ну?! – недоверчиво присвистнул Ягуар. – Он ведь желал моей смерти. Какая во мне польза Хорэю?

– Здесь какая-то тайна! – простодушно расширив глаза, шепнул Иалмен. – Скажу лишь, что никогда не слышал о воинах-магах, однако Хорэй, хоть и не ведает жалости к людям, обладает необычайной властью над животными. Однажды он укротил взбесившегося боевого верблюда, которого доставили в подарок царю из каких-то дальних стран, где вся земля покрыта желтым, будто чистое золото, песком. Ты можешь себе представить? Везде, куда глаз хватает, песок! Тамошние жители строят из него дворцы и крепости, едят его и даже пьют. Один песок, на множество стадий один только песок!

– Пустыня Сахара, – неожиданно для себя самого пробормотал Ягуар и тут же испугался: а вдруг Иалмен спросит, что означают эти бессмысленные слова? Что ему ответить, когда Ягуар и сам не знает?!

Но Иалмен, наверное, не расслышал и продолжал болтать:

– Правда, укрощенный Хорэем грозный верблюд через два дня сдох, но все два дня он был покорен и робок, как теленок. Он даже преклонил колена перед Зирином! И этого добился Хорэй своею диковинною силою. Никому не известно, в чем она кроется. Говорят, он готовит какое-то усыпляющее питье. Впрочем, не знаю. Я не очень-то доверяю Хор-

эю. В нем есть что-то такое жестокое...

– Да уж! – глухо обронил Ягуар. – Да!

– Я воин, – сказал Иалмен негромко. – Я видел смерть. Я вкусил крови. Я пил на царском пиру из черепа врага, а это большая честь! Но я не пьянею от запаха и вкуса смерти. Ты понимаешь, Ягуар? После битвы я тороплюсь поскорее смыть с себя кровь, пот и слезы. А вот Хорэй... Никто не помнит, когда и как появился он в царском стане. Но никто не знает также, откуда явился Дандамис. А спросить бояться. Я вот думаю... Ты слышал когда-нибудь про Абариса?

Ягуар задумался. Напрасно стараться вспомнить. Ничего-то он не знает!

– Жрец Абарис в незапамятные времена прибыл к скифам из страны гипербореев на стреле, которую ему подарил сам Аполлон. По воздуху он перебрался через реки, горы и непроходимые леса. Он изгонял моровые поветрия и очищал от болезней, он умирал речные и морские волнения, он успокаивал бурные ветры и предупреждал о землетрясениях. И я думаю: а что если Дандамис – это и есть сам Абарис, решивший сокрыть свое имя?... Может быть и другое. Всем известна вражда Дандамиса и Хорэя. Между ними не прекращаются разногласия! В баснословные века на земле скифов жили два племени киммерийских колдунов. Одно творило свои тайнодействия при луне, а другое – при солнце. И оба племени ненавидели друг друга, как день ненавидит ночь. Это было давно, давно! Однако, возможно, Дандамис и

Хорэй, колдуны из тех враждующих племен, и впрямь приплыли сюда по реке Херфинус? Может быть, они оба – посланцы загробного царства? Но тогда, значит, в ином мире тоже есть воины и жрецы? Убийцы и утешители?...

– Есть, – раздался рядом голос Дандамиса. – Ты прав, Иалмен.

Они оба были уверены, что авхат умчался далеко вперед, а он вот он!

Иалмен покраснел.

– Я рассказывал Ягуару, что не могу понять, как ты умеешь провидеть будущее, – пробормотал он смущенно.

– Ты прав: сардион и другие камни – здесь невеликие помощники, – лукаво улыбнулся Дандамис. – По учению эллинских мудрецов существуют три пути предвидения. Один – это собственная природа человеческой души, родственная природе богов. Твое тело, Ягуар, наполненное страхом смерти, послало мне призыв о помощи. Жертвоприношение Акинаку так напугало тебя, что мне чудилось, я слышу крик твоего сердца, твоего мозга! И я ринулся на этот зов. О, не благодари меня! – вскинул он руку, останавливая Ягуара. – Придет время – и я попрошу подмоги у тебя, друг мой... Второй путь предвидения – это откровения богов своим избранным: те советы, которым авхаты и энареи внимают в тиши своих святилищ. А третий – соприкосновение наших душ с бесчисленным множеством бессмертных духов, которые наполняют собою весь воздух и проникают в прошлое, насто-

ящее и будущее, давая нам возможность провидеть и предвидеть. Вот эти-то незримые советчики, вернувшиеся из будущего, сейчас трепещут своими легкими крылышками рядом со мною и наперебой нашептывают мне в уши, что через несколько мгновений из-за того холма покажется облако пыли, а в нем скоро станет различим царский гонец, который призовет меня в Ардавду. Туда вчера прибыл царь Зирин поклониться всем семи богам, в честь которых наименован город, но его настиг приступ внезапной и странной болезни.

Иалмен тихо ахнул, а Дандамис продолжал:

– Мы узнаем, что царь ожидает меня в святилище Апи, подвластном мне, и мои помощники не ведают, как одолеть его болезнь. Тогда мы с вами направим наших коней в стремительный бег, чтобы засветло прибыть во храм.

– И ты сам будешь лечить царя? – спросил Ягуар.

– Прежде всего я велю его уложить на мягком солнечном свету, возле священного дерева, вокруг которого расставлены черепа жертвенных животных, и дам ему в руки камень солнца – гелиодор, чтобы могучее светило обратило на царя свой милостивый жизнетворящий взор. Затем я напою Зирина теплым молоком и подведу к нему своего Херфинуса. Если больного можно вылечить, то конь благосклонно обнюхает его, а вот если Херфинус в гневе ускачет прочь – значит, он учуял запах близкой смерти.

Иалмен вцепился в луку его седла:

– Разве царь столь тяжко болен?!

Лицо Дандамиса омрачилось.

– Да, он тяжело болен... Однако смерть придет за ним куда позже, чем за иными людьми, – пусть даже сейчас они вполне здоровы и благополучны!

– Ты говоришь загадками... – несмело молвил Иалмен.

Ягуар же молчал, глядя на идущего рядом Херфинуса.

Конь настороженно прядал ушами и раздувал ноздри. Глаза у него были удивительные, светлые, прозрачные, словно хризопрас... И вдруг нахлынуло странное ощущение! Ягуар показался себе абсолютно чужим этой степи, этим людям, этому разговору – и вовсе не потому, что они скифы, а он – безродный пленник.

Суть была в том, что он – причем не Ягуар, а он сам, тот, кем был он раньше, до плена, до того, как беспамятство овладело им, – словно бы стоял сейчас в стороне и глядел на Дандамиса, на Иалмена, на замедливших свой скок коней, на отряд стражи, который держался на почтительном расстоянии, даже на того измученного человека, который чудом избегнул смерти, потом назвался Ягуаром, а сейчас покачивался в седле и глядел на происходящее словно бы со стороны, – словно бы наблюдал все это в огромном зеркале: заглянул туда и замер, увидев, что его отражение живет своей собственной, иной жизнью, и он, Ягуар, оценивает каждое слово, каждый жест не только постольку, поскольку это имеет к нему отношение, а как бы проверяет достоверность, правдивость, искренность каждого слова и жеста – своего и чужого.

И, чтобы вырваться из этого заколдованного круговращения, Ягуар резко спросил:

– Так что же случится дальше с царем?

Дандамис успокаивающе кивнул:

– С царем пока все обойдется.

– Спешите, авхат! – внезапно долетел до них задыхающийся голос, и всадники резко обернулись.

К ним во весь опор мчался заморенный бешеной скачкой гнедой жеребец, а седок махал жезлом – знаком царских гонцов – и кричал что есть мочи:

– Спешите в Ардавду! Царь Зирин ожидает авхата Дандамиса в святилище бессмертной Апи!..

* * *

Почему-то Ягуар, толком и не ведая, что такое город, представлял его себе иначе. Тем более – Ардавду, о которой столько наслышался по пути. Он думал, что увидит широкие мостовые, белые здания с колоннами и длинными лестницами и, конечно, статуи Гойситора, Аргимпасы, Тагимасада¹³ и всех остальных богов, в честь которых, как рассказывал Дандамис, и был назван город. Правда, святилище Апи, где с ними простился авхат, и впрямь было прекрасным, хоть и небольшим, беломраморным храмом, стоявшим на холме;

¹³ Скифские божества, равные Аполлону, Афродите, Посейдону.

однако в остальном этот город напоминал случайное нагромождение построек: каменных, деревянных, глинобитных, огороженных высоким бревенчатым заплотом, со сторожевыми вышками над ним.

Ягуар не скрыл разочарования, рассказав Иалмену о своих мечтах, и тот поглядел на него недоуменно:

– О, так ты бывал в Гиллее?!

– Нет, – честно сказал Ягуар. – С чего ты это взял?

– Но ведь ты ее описываешь! Гиллею-то! – засмеялся Иалмен. – Я сам, правда, не видел, однако, по слухам, там все в точности так: колонны, изваяния богов, мраморные мостовые... Гиллея – богатый город! Когда-то она была вся деревянной, выстроенной из леса: ведь слово «гиллея» и означает лес. Но однажды весь город сгорел. И тогда гиллеяне начали торговать с каллипидами¹⁴. В обмен на дерево драгоценных пород те привозили им мрамор из Ольвии и Херсонеса, и вот, пожалуйста: Гиллея во всем стала подобной эллинским городам. Ею восхищаются даже гости из самой Эллады!

– А в Гиллее есть амфитеатр? – неожиданно спросил Ягуар.

Иалмен озадаченно пожал плечами:

– Говорю, я ведь там не бывал. А что это такое – амфитеатр?

– Не знаю, – неохотно признался Ягуар. – Но мне кажется,

¹⁴ Каллипиды – эллины, жившие в Северном Причерноморье, рядом со скифами.

он непременно должен быть во всех эллинских городах.

Иалмен смотрел на него с жалостью:

– Ты все-таки странный. Дандамис уверяет, что ты и не гелон вовсе, а северянин, – значит, варвар. Но иногда ты говоришь такое, что я вообще сомневаюсь в здравости твоего рассудка. Возможно, ты просто безумец? Ведь безумие, как и смерть, делает людей всех племен совсем одинаковыми, будь то нирк, аримаспа, гипербореец или скиф.

– Возможно... – рассеянно произнес Ягуар.

Безумец он или нет, но что же это случилось с памятью?!

Увидев его понурую голову, Иалмен преисполнился раскаяния:

– Не думай ты об этом, Ягуар. Не думай ни о варварах, ни об эллинах, ни о Гиллее, ни о статуях богов. Ну чем плохо жить так, как живем мы?

Больше всего в Ардавде было полуземлянок. Над их котлованами сооружались надстройки из сырца, глины и дерева. Из крыш тянулись дымки: внутри, на глинобитных полах, горели очаги. Вокруг жилищ были вырыты зерновые ямы, ямы для хранения продуктов. Так обустраивались оседлые скифы, но скотоводы-кочевники и воины предпочитали кибитки, покрытые войлоком и поставленные на многоколесные повозки. В них было запряжено несколько пар волов.

Изредка войлочная завеса отодвигалась, и на белый свет выглядывала какая-нибудь любопытная женщина в длинном платье из шерсти или конопляной ткани, в тонкой кожаной

накидке, со множеством звонко играющих номисм¹⁵ на груди. Волосы были спрятаны под покрывала.

Ягуар понял, что женщины живут в кибитках, а их мужья проводят время в седлах.

Да уж, коней он тут увидел множество! Глаза разбегались любоваться! И все же ни мастью, ни статью, ни прытью, ни даже богатством упряжи никто не мог превзойти Херфинуса.

Пока Ягуар с Иалменом болтали, толстый энарей в белом хитоне вывел из ворот святилища Херфинуса и передал просьбу Дандамиса приглядеть за конем. Наверное, таинственный скакун уже исполнил свою роль – определил, что исцеление царя Зирина возможно.

Ягуар первым протянул руку и принял повод. Да, Иалмен, кажется, не очень-то и рвался приблизиться к Херфинусу... И вот теперь, поглядывая в прозрачные, зеленоватые глаза, Ягуар мысленно соглашался с Иалменом, что конь этот ох какой не простой!

Так и чудится, что спросишь его – а он что-нибудь скажет в ответ. Скажет человеческим голосом! Уж неведомо ли ему (пожалуй, и впрямь – существу из мира иного), кем был Ягуар до того, как однажды открыл глаза – и осознал себя связанной жертвой богу меча? Или, еще того пуще, не знает ли Херфинус, как и его хозяин, что произойдет потом, в будущем?

– Не молчи, не молчи! – пробормотал Ягуар, щекой при-

¹⁵ Номисма – украшение из монет, то же, что монисто.

жимаясь к морде коня.

Тот шумно вздохнул, дрожь пробежала по его телу, но он не взбрыкнул, не попятился, а положил голову на плечо Ягуара и замер, изредка взмахивая пышным, длинным хвостом, в котором кое-где проблескивали рыжеватые пряди, а оттого чудилось, что перевиты серебряные нити с золотыми.

Херфинус тихонько пофыркивал, тепло дышал в шею Ягуара, а тот вдруг задумался, что с тех пор, как оказался здесь, он существует, только подчиняясь обстоятельствам, – даже когда спасает свою жизнь. А теперь его привезли в Ардавду и предоставили самому себе, и не значит ли это, что отныне он сам должен обращать обстоятельства или во вред себе, или на пользу – но сам, сам должен владеть обстоятельствами, будто и они – всего лишь декорации, в которых ему предстоит играть, – как эти кибитки, землянки, чахлые, редкие деревца...

«Декорации, – мысленно повторил он чужое слово, мелькнувшее в мозгу, и содрогнулся от внезапного ужаса: – Декорации! Играть! Что это? Что со мною?»

Даже сам образ его мыслей, чувствовал Ягуар, был чужд гелону, пленнику, да и скифу, воину, – всем здесь. За исключением разве что авхата Дандамиса.

Но его нет рядом. Только этот конь...

Словно в поисках утешения, он еще крепче обнял Херфинуса, так что белый скакун коротко заржал и быстро переступил точеными ногами.

– Он не ошибся! Он опять угадал! – раздался рядом вопль Иалмена, и Ягуар даже вздрогнул от неожиданности.

Оказывается, он так задумался, что не слышал, как глашатай возвестил царскую волю: в прославление милосердной Апи и в честь выздоровления Зирина учинить многолюдные ристания. Победителям царь не пожалеет золотой казны, а вечером позовет в свой шатер на пир.

И впрямь – авхат Дандамис угадал и это!

– Ристания... Будешь сражаться? – спросил Ягуар, преисполняясь зависти к Иалмену и всем этим скифам, которые, нахлестывая коней, предвкушая потеху, радостно мчались на глинобитную площадку перед царскими шатрами.

Кровь закипела! Вспомнилось, как дрался сегодня с теми, кто замышлял погубить его, – и рука невольно потянулась к поясу за мечом, которого у него не было.

Где там! Он по-прежнему полуголый безоружный пленник, каким осознал себя утром.

Ягуар закинул голову, поглядел в небо. Солнце вроде бы и не собиралось клониться к закату. И день пылал нескончаемо – лился, лился, как расплавленное золото... Какой долгий, какой мучительный день!

Ягуар с трудом отвел зачарованный взор от небес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.